

Не без вмешательства Великой старшей принцессы-покровительницы государства Ше Цзе сдал соседнюю усадьбу Фан Чаоцы за смехотворные десять гуаней в месяц. По меркам Юнцзи, в какую бы эпоху ни шло дело, о подобной невиданной щедрости никто и подумать не смел.

Десять гуаней в месяц — это сущие крохи, три-четыре сотни вэней в день.

Небесный камень, сверившись с будущими графиками инфляции и стремительным ростом рынка аренды в Цзянцзо, вынес лаконичный вердикт:

[Чистый убыток.]

Ше Цзе лишился дара речи.

«Ну уж извини. Моя бедность ограничивает мой полет фантазии».

Фан Чаоцы словно читал его мысли — или по крайней мере тонко чувствовал перемену в настроении юноши. Не успел Ше Цзе и рта открыть, как тот поспешил его успокоить:

— Цены на жилье в Цзянцзо непременно взлетят, так что со временем мы сможем пересмотреть плату согласно рыночной стоимости. Управление государственного имущества и аренды как раз прислало мне свежие сводки.

Ше Цзе за всю свою жизнь не видывал дельцов, которые спали бы и видели, как бы переплатить побольше. Как гласит народная мудрость: без причины любезен тот, у кого на уме...

[Глубокая к тебе симпатия!] — огорошил его Небесный камень.

«... Исчезни», — мысленно огрызнулся Ше Цзе.

И тут Фан Чаоцы выкинул штуку, которая заставила Ше Цзе всерьез заподозрить его в чтении мыслей. Словно предвзято вопрошая о происхождении своего богатства, он спокойно пояснил:

— Мой покойный отец занимался торговлей и оставил семье кое-какое скромное состояние.

Разумеется, «скромным» это состояние назвать язык бы не повернулся, но дело было в другом...

— Твой отец был купцом, и тебе позволили сдавать государственные экзамены? — Ше Цзе уставился на него в крайнем изумлении.

Не дожидаясь, пока Фан Чаоцы поинтересуется, из какого пыльного сундука он вытащил эти нелепые предубеждения, в разговор вмешался Небесный камень:

[Запрет для купцов участвовать в экзаменах канул в лету вместе с прежней династией. Великая Ци с самого своего основания спит и видит, как бы уколоть предшественников, а потому затеяла масштабные реформы. Одно из главных новшеств — расширение круга соискателей. Теперь не только купеческие сыновья вольны сдавать кэцзюй, но и сами торговцы, коли наделены талантом. Даже покойный император Тай-цу, будучи воякой грубым, как-то раз изволил блеснуть красноречием, провозгласив: «Дорогу талантам любого звания!»]

Хотя сословное деление на чиновников, земледельцев, ремесленников и торговцев по-прежнему существовало, к последним в Великой Ци относились без привычного пренебрежения. В конце концов, даже государственные ведомства не брезговали коммерцией, а премьер-министры вовсю промышляли сдачей земель в аренду. Никому и в голову не приходило обвинять казну в «соперничестве с народом за выгоду».

А коль правитель благоволит, подданные спешат подражать.

Почувствовав веяние перемен, ведущие академии начали наперебой зазывать к себе отпрысков купеческих семей.

Те, в свою очередь, за предоставленный шанс цеплялись мертвой хваткой. Им до смерти хотелось вырвать свой род из низкого сословия, и кэцзюй казался идеальной лестницей, ведущей напрямик в небесные чертоги чиновничества.

Фан Чаоцы стал самым ярким и успешным примером такого восхождения. Месячное жалованье шаоцина Приказа государственной казны едва ли покрывало его былые ежедневные карманные расходы, однако для всего семейного клана он стал неоспоримой гордостью. Его приемного отца уже не было в живых, но оставалась матушка. Своих детей у супругов не водилось, зато хватало благодетельствованной родни из провинции. Теперь все они в один голос радели за дело Фан Чаоцы, сообща управляя его богатством, дабы избавить молодого чиновника от лишних хлопот и позволить ему целиком посвятить себя государственной службе на благо семьи Фан.

Ше Цзе все понял.

«У него — золото, у моей матушки — власть. Да он же хочет спеться со мной ради грязных махинаций! Сколотить преступный синдикат!»

[.....] — Небесный камень выразительно промолчал.

Разве Ше Цзе из тех, кого можно соблазнить презренным металлом?

Разумеется, нет!

На коммерческую стезю его потянуло исключительно от скуки — захотелось найти себе забаву по душе. К деньгам как таковым Ше Цзе относился с полнейшим равнодушием, ведь стоило ему заикнуться, как матушка тут же осыпала его золотом. На худой конец, он всегда мог пустить с молотка отцовские картины и свитки. И это не было шуткой: творения его батюшки, пусть и не ценились на вес золота, вполне могли сойти за ту самую «каллиграфию в обмен на барана».

— В обмен на барана? — Фан Чаоцы с недоумением взглянул на юношу.

Ше Цзе прикусил язык. Он и не заметил, как разговорился вслух. За последние два-три года уединения он слишком привык бормотать себе под нос, и теперь, внезапно вернувшись в шумный круговорот столичной жизни, никак не мог перестроиться.

— Неужели ты никогда не слышал про «каллиграфию в обмен на барана»? — сначала Ше Цзе изумился, но тут же воодушевился. — О, слушай внимательно!

Кхм. Серьезными пороками Ше Цзе обделен не был, зато мелких слабостей у него имелось с избытком. К примеру, он обожал поучать других. Стоило ему сообразить, что блестящий выпускник-чжуаньюань чего-то не знает, как его охватил неописуемый восторг. Еще бы! Стать наставником самого первого медалиста империи — это ведь почти то же самое, что самому сдать экзамены на высший балл!

— Прошу вас, наследник, не считите за труд просветить меня, — Фан Чаоцы почтительно поклонился, пряча лукавую усмешку в уголках глаз.

Эта история была связана со знаменитым поэтом и знатным гурманом Су Ши — Талантом Су. Случился этот курьез много лет назад. Был у него близкий приятель по фамилии Хань — бедный ученый, вечно сидевший без гроша, но страстно любивший вкусно поесть, особенно уважая нежную баранину. Не зря же они водили дружбу: у истинного чревоугодника и друзья под стать.

А в Великой Ци, как известно, все от мала до велика обожали баранину, почитая ее за самое благородное из всех яств. Стоило это удовольствие, разумеется, баснословных денег.

Чтобы полакомиться знаменитой фэнъюйской бараниной, бедный ученый Хань пошел на хитрость. Он повадился без конца слать письма Таланту Су, вынуждая того строчить ответы на каждое пустяковое послание.

Поэт поначалу никак не мог взять в толк, с чего вдруг такая небывалая эпистолярная активность, пока другой их общий знакомый, буддийский монах, не раскрыл ему правду. Оказалось, Хань попросту обменивал каллиграфические свитки Су Ши на мясо! В Великой Ци литераторов превозносили, и даже суровые воители втайне грезил о высоком слоге. Вот и

нашелся в Фэнъи влиятельный военачальник, страстно влюбленный в поэзию Су Ши. Он-то и снабжал хитроумного Ханя отборной бараниной: один ответный свиток великого мастера приравнялся к десятку цзиней сочного мяса.

Су Ши, будучи человеком щедрой души, ничуть не разгневался, а лишь рассмеялся от чистого сердца. Впоследствии его друзья шутили, мол, если великий Ван Сичжи в эпоху Вэй-Цзинь выменивал каллиграфию на гусей, то нынешний Талант Су прославился обменом на баранов.

Рассказчиком Ше Цзе был, честно говоря, посредственным, зато болтуном — непревзойденным. Коротенький анекдот он умудрился растянуть на добрых полчаса, то и дело пускаясь в пространные отступления, активно жестикулируя и строя уморительные гримасы. Посередине повествования он увлекся деталями: пустился объяснять, кем именно приходились те двое друзей Су Ши, как на эту историю в свое время отреагировал его собственный батюшка, и далее в том же духе.

Фан Чаоцы слушал на редкость внимательно. При желании он умел льстить так тонко и изящно, что устоять было невозможно:

— Эрудиция наследника поистине безгранична. Мне до вас далеко.

Ше Цзе так и расплылся в довольной улыбке. Пятнадцатилетний юнец, не знавший забот и привыкший к всеобщему баловству, он еще не научился притворной скромности и не задумывался, насколько искренни чужие похвалы. Он лишь сделал глоток ароматного чая, светясь от гордости.

«До чего же я умен! Да еще и новое словечко выучил — эрудиция!»

Постойте... Чай?

Ше Цзе огляделся по сторонам, хлопая глазами в полнейшем замешательстве. Когда это они успели перебраться в гостиную? И откуда на столе взялся отборный поднесенный чай Цзяньвань? А эти блюда с золотыми мандаринами Цзянси? Если беседа продолжится в том же духе, они чего доброго вызовут чайного мастера, чтобы тот устроил целое чайное представление?

Наследник призадумался, и его осенило: да им же беззастенчиво манипулируют!

В кругу своих Ше Цзе мгновенно заводился и болтал без умолку. Стоило Фан Чаоцы проявить капельку участия и вовремя поддакнуть, как юноша был готов изливать душу до самых петухов.

Но так дело не пойдет!

Вовремя опомнившись, Ше Цзе мысленно задекларировал свою непоколебимую честность и

твердое нежелание вступать в сговор с коварным льстецом.

— К слову, — Фан Чаоцы, казалось, обладал звериным чутьем на любые колебания в чужих мыслях. Едва заметив тень настороженности на лице собеседника, он тут же сменил русло разговора: — Я ведь так и не поведал вам о цели своего визита.

Ше Цзе развалился на стуле, пытаясь напустить на себя вид высокомерного столичного щеголя, которому все нипочем. Вот только он позабыл, что сидит на изящном стуле-розе, у которого вместо полноценной высокой спинки была лишь тонкая деревянная перекладина. Хрупкое, худощавое тело юноши не встретило опоры, и он едва не съехал на пол сквозь пустой промежуток.

К счастью, Фан Чаоцы среагировал мгновенно. Он подхватил Ше Цзе под спину, не дав ему ни ушибиться, ни окончательно опозориться.

Ладонь у Фан Чаоцы была широкой, с сильными, красивыми пальцами. Прежде Ше Цзе казалось, что руки этого человека должны походить на его характер — веять ледяным высокомерием и властным холодом. Но теперь, ощутив прикосновение сквозь тонкую ткань халата, он обомлел: рука оказалась неожиданно горячей, сухой и надежной. От этого тепла, способного, казалось, растопить самый глубокий снег, по телу разлилась странная нега.

Ше Цзе застыл, глядя снизу вверх на склонившегося над ним Фан Чаоцы. До него долетел едва уловимый, изысканный аромат чая, исходящий от мужчины, и в голове юноши мгновенно воцарилась звенящая пустота.

Он так и остался лежать в чужих руках, позабыв подняться, но все же хрипло выдавил:

— И зачем же ты пришел?

— Поздравляю, наследник. Скоро вы станете двоюродным дядей, — Фан Чаоцы весело прищурился.

Высокая переносица, четко очерченные губы — каждая черточка его лица была настолько безупречной, что Ше Цзе невольно залюбовался. Вблизи стали видны густые, черные, точно крылья бабочки, ресницы, а во взгляде мужчины плясали крошечные искры, глубокие и яркие, словно звезды в ночном небе.

Лишь когда гость удалился, Ше Цзе опомнился и обратился к старому управляющему:

— Цжайлао, как ему каждый раз удается поймать меня в самый нужный миг?

Старый управляющий почтительно поклонился:

— О прежних случаях ваш покорный слуга судить не берется, но сегодня я все видел своими глазами. С самой первой минуты Юноша Фан держал руку так, чтобы при малейшей опасности успеть поддержать вас.

<http://bllate.org/book/19472/1988243>